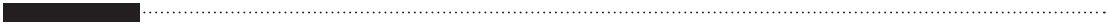

Безопасность для всех — задача, которую предстоит решить в Восточной Абхазии

Результаты опроса общин

Май 2013

**Безопасность для всех —
задача, которую
предстоит решить в
Восточной Абхазии**
Результаты опроса общин

Признательность

Данный отчет был подготовлен организацией Saferworld (Лондон) на основе опроса, проведенного в Восточной Абхазии при содействии Института демократии (г. Гал). Консультативную помощь в подготовке исследования к публикации оказали Центр гуманитарных программ (Сухум) и «Сухумский Дом Юношества» (Сухум). Первичный анализ результатов опроса был проведен Мартином Ноутоном. Отчет включает количественные и качественные данные, собранные Институтом демократии с января по март 2013 г.

Saferworld выражает благодарность правительству Соединенного королевства (Фонд урегулирования конфликтов) за финансирование исследования в рамках поддержки региональной программы Saferworld на Кавказе. Ответственность за содержание отчета целиком и полностью несут его авторы. Приведенные в отчете мнения и оценки не обязательно совпадают с позицией правительства Соединенного королевства.

Написание географических названий в данном докладе соответствует международным нормам пользования на русском языке.

© Институт Демократии и Saferworld, май 2013. Все права защищены. Запрещается воспроизведение, сохранение в информационно-поисковой системе или передача любой части этого издания в любом виде или посредством любых средств – включая электронные, механические, фото-копирующие, записывающие или другие – без полной ссылки на источник. Saferworld приветствует и рекомендует использование и распространение материалов, включенных в это издание.

Оглавление

Краткое содержание и рекомендации	i
Введение	1
1. Сообщества и их потребности	3
Как в данный момент изменяется ситуация в сообществах?	3
Каковы наиболее насущные потребности сообществ?	6
2. Личная безопасность и роль действующих лиц/структур, обеспечивающих безопасность	10
Каковы вызовы для личной безопасности?	10
Насколько безопасно чувствуют себя люди?	11
Как люди воспринимают структуры, ответственные за обеспечение безопасности?	12
3. Мнения о вероятности увеличения напряженности и возобновления насилия	18
Каков потенциал возобновления конфликта?	18
Какие события могли бы привести к росту напряженности?	19
4. Контакты и доверие между этническими группами	22
Как изменились уровень и характер контактов с другими	22
Какие меры по созданию доверия и укреплению безопасности в сообществах пользуются поддержкой?	24
Заключение	26
Приложение 1: Методология	29

Список диаграмм

Рис. 1. Изменения общей ситуации в сообществах: сравнение результатов опросов 2012 и 2013 гг.	4
Рис. 2. Как бы Вы описали ситуацию в вашем сообществе/вашей деревне по сравнению с тем, какой она была год назад?	5
Рис. 3. Наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются сообщества	6
Рис. 4. Насколько безопасно вы себя чувствуете в вашей деревне/вашем сообществе?	11
Рис. 5. Как изменилось ваше личное ощущение безопасности за последний год?	12
Рис. 6. Восприятие структур, отвечающих за обеспечение безопасности, на уровне сообществ	14
Рис. 7. Эффективность структур, ответственных за безопасность, в работе с местными проблемами	15
Рис. 8. Факторы, мешающие местным жителям сообщать властям о преступлениях и инцидентах, связанных с насилием	16
Рис. 9. Факторы, мешающие местным жителям сообщать властям о преступлениях и инцидентах: сравнение между Очамчыро-тқуарчалской группой и Верхним Галом	17
Рис. 10. Какова вероятность того, что ситуация в Вашем сообществе станет более напряженной?	18
Рис. 11. Какие события, Вы считаете, могут привести к росту напряженности/ возобновлению конфликта? Какова вероятность для каждого из этих событий, что оно случится в течение года?	20
Рис. 12. Восприятие эффективности мер по налаживанию доверия	24

Краткое содержание и рекомендации

Данное издание представляет собой публикацию третьего ежегодного опроса, проведенного в восточной Абхазии организацией Saferworld и Институтом демократии с 2011 г. Опрос прослеживает и суммирует мнения представителей общин, отражающие их восприятие безопасности и защищенности. Отчет основан на материале, собранном на четырех исследуемых территориях – в городе Гал и окрестных деревнях, в городах Очамчыра и Ткуарчал и окрестных деревнях, в Верхнем Гале и Нижнем Гале (см. карту на стр. v). С точки зрения методологии исследование основывается на опросе населения по месту жительства, проведенном в январе 2013 г., а также серии последующих фокус-групп, проведенных в марте 2013 г.

Общины и их потребности

Результаты этого года показывают дальнейшее умеренное улучшение в восприятии местных жителей вопросов безопасности и защищенности, позволяющее предположить, что положительные изменения в регионе зарегистрированные в прошлогоднем опросе – не временное явление, а, скорее, тенденция. Респонденты приписывают эти положительные изменения уменьшению количества инцидентов, связанных с безопасностью, уменьшению угрозы возобновления насилия и улучшению инфраструктуры. Безработица остается главной проблемой населения. Как и в прошлогоднем обзоре, из списка основных проблем в общинах на региональном уровне по всей восточной Абхазии почти полностью выпали преступность, вымогательство, наличие вооруженных групп и похищение людей.

Однако эти положительные результаты неравномерно распределены по исследуемым территориям – между четырьмя территориальными группами исследования есть существенные различия. Очамчыро-ткуарчалская группа и, в меньшей степени, группа города Гал показали, что ситуация в целом улучшилась, тогда как респонденты более изолированных сельских групп – нижнегалской и верхнегалской – более склонны сообщать об ухудшении их ситуации по сравнению с прежним годом.

В целом, респондентов в Очамчыро-ткуарчалской группе более беспокоит доступ к коммунальному обслуживанию (напр., к электричеству и питьевой воде), чем вопросы, связанные с правами (напр., возможность получить абхазские паспорта, свобода передвижения), представляющие более острую проблему для этнических грузинских сообществ в Нижнем и Верхнем Гале и, в меньшей

степени, в городе Гал и его окрестностях. Верхний Гал – это единственная группа исследования, где большинство респондентов отметило ухудшение ситуации, а в Нижнем Гале число респондентов отметивших ухудшение превышало число тех, кто отметил улучшение. В обеих территориальных группах в основе этого негативного восприятия ситуации были трудности с переходом через р. Ингур и тесно связанные с ними сложности с получением абхазских паспортов. Кроме того, только в Нижнем Гале респонденты называли преступность одной из главных проблем, связанных с безопасностью их сообщества.

Рекомендации по реагированию на выявленные приоритеты сообществ связанные с безопасностью и защищенностью

- Тщательно отслеживать характер, причины и частоту случаев преступлений в Нижнем Гале и разработать мероприятия по борьбе с преступностью на этой территории
- Облегчить процесс получения абхазских паспортов для постоянных жителей или же лиц, проживающих на долгосрочной основе в Восточной Абхазии. Улучшить информационную работу и коммуникацию с населением по вопросам, касающимся процедуры и юридических требований для получения документов, а также причин задержки или отказа в выдаче паспортов
- Улучшить процедуры, необходимые для пересечения р. Ингур – в частности, открыть дополнительные контрольно-пропускные пункты
- Увеличить инвестиции в социально-экономическую реабилитацию региона, с упором на создание рабочих мест и медицинское обслуживание.

Личная безопасность и роль организаций, ответственных за ее обеспечение

Что касается угроз для личной безопасности, респонденты, как правило, называли те же проблемы, которые называли в качестве основных проблем, с которыми сталкиваются их сообщества. Результаты также показали некоторые существенные различия по географическому признаку между сообществами территориальных групп исследования города Гал и Очамчыро-ткуарчалской группы, с одной стороны, и нижнегальской и верхнегальской групп, с другой. Последние две территориальные группы сообщают о большем чувстве незащищенности на личном уровне.

Независимо от места проживания, этничности и гендерных различий, респонденты по-прежнему критически относятся ко всем официальным структурам, ответственным за безопасность. В качестве структур, обеспечивающих безопасность, более высокой популярностью среди респондентов пользуются два института: друзья и местные власти. Ответы во всех группах показывают низкий уровень взаимодействия с центральными сухумскими властями и с абхазской милицией – более половины респондентов в Нижнем и Верхнем Гале сообщают, что не взаимодействуют с этими структурами.

В то время, как недоверие к структурам, отвечающим за безопасность, распространено во всех четырех территориальных группах, сравнение Очамчыро-ткуарчалской группы с тремя остальными показывает, что жители этих трех территорий с преобладающим этнически грузинским населением более склонны воздерживаться от сообщений о преступлениях из соображений личной безопасности и из-за социальной уязвимости. Так, в Верхнем Гале в качестве причины недонесения о преступлениях респонденты называли опасения мести и этнические барьеры. В Нижнем Гале респонденты в качестве дополнительной причины называли языковые барьеры. С другой стороны, для Очамчыро-ткуарчалской группы, где преобладают этнические абхазы, более характерно воздерживаться от донесений о преступлениях из-за общего неверия в возможности и профессионализм структур, отвечающих за безопасность.

Рекомендации по улучшению реагирования на местные потребности

- Предпринять практические шаги по повышению доверия, основанные на доступности и улучшенной коммуникации между общинами и структурами, отвечающими за безопасность, особенно милицией, в Нижнем и Верхнем Гале. Помимо всего прочего, эти шаги могут включать регулярное патрулирование местностей, из которых поступают сообщения о повышенной озабоченности проблемами безопасности, регулярные встречи с общинами, создание системы подачи и разбора жалоб, прием местных жителей в полицейские структуры и структуры местных властей
- Создать каналы регулярной коммуникации, включая организацию встреч между нижнегалскими общинами и российскими пограничниками для разбирательства проблем этих общин – таких, как неожиданное перекрытие дорог, задержание людей, не имеющих при себе документов и другие действия, вызывающие у жителей тревогу.

Мнения о вероятности роста напряженности и возможности возврата к насилию

В целом, респонденты считали, что рост напряженности в регионе вряд ли возможен; по сравнению с прошлыми годами неуверенности в будущем было меньше. Однако и здесь наблюдались ярко выраженные различия по территориальным группам и этничностям. Так, респонденты в Очамчыро-ткуарчалской группе – в большинстве своем этнические абхазы – более уверены в будущем, а этнические грузины, особенно в Нижнем и Верхнем Гале, сообщают о более высоком уровне беспокойства за свою будущую безопасность.

Как и ранее, факторами, несущими наиболее высокий риск возрастания напряженности, считаются факторы политические и военные – особенно отношения между Тбилиси и Москвой и Тбилиси и Сухумом. Однако в качестве наиболее вероятного фактора назывались, особенно в Нижнем Гале, проблемы, связанные с переходом через р. Ингур.

Рекомендации по снижению напряженности в общинах

- Осуществить программы социальной реабилитации для высокого уровня беспокойства за будущее, вызванных проживанием вблизи территорий с пограничным режимом, особенно в Нижнем и Верхнем Гале
- Вступить в диалог с населением нижнегалских и верхнегалских деревень о более эффективных процедурах регулирования передвижения через р. Ингур.

Контакты и доверие между этническими группами

Во всех четырех исследуемых группах респонденты сообщают об увеличении и улучшении уровня межэтнических контактов на личностном уровне. Жители Нижнего Гала хоть и отметили улучшение, зарегистрировали при этом самые низкие уровни взаимодействия с другими этническими группами Абхазии, что еще раз подчеркивает их этническую изоляцию. В то время как в городе Гал и в Очамчыро-ткуарчалской группе более двух третей респондентов сообщили о дружбе с представителями другой этнической группы, в Верхнем Гале о ней сообщила одна треть респондентов, в Нижнем Гале – только 2%. При этом следует отметить, что респонденты Нижнего и Верхнего Гала больше взаимодействуют с другими этническими группами, когда продают свою сельскохозяйственную продукцию в других частях Абхазии.

Как и в двух предыдущих опросах подавляющее число респондентов поддерживает широкий диапазон мер, направленных на укрепление безопасности на местном уровне и создание атмосферы доверия между этническими группами, проживающими в Восточной Абхазии. Но люди

по-прежнему сомневаются в эффективности этих мер. Анализ ожидаемой эффективности различных мер, направленных на укрепление безопасности и доверия, показывает, что респонденты в Очамчыро-ткуарчалской группе и, в меньшей степени, в городе Гал придают более важное значение мерам/видам деятельности с более ярко выраженным упором на политический и/или гражданский диалог между разными этническими группами в Абхазии (напр., обмену идеями о предупреждении войны и насилия, встречам с бывшими соседями, защите прав человека), тогда как в Нижнем и Верхнем Гале предпочтение отдается совместным бизнес-инициативам и обеспечению основных социальных услуг и безопасности.

Рекомендации по укреплению безопасности на местном уровне и доверия между этническими группами

- Тщательно оценивать местное восприятие и предпочтения при планировании мер по созданию атмосферы доверия
- Разработать для общин механизмы регулярной вовлеченности, позволяющие местным жителям сообщать о проблемах в области соблюдения прав человека соответствующим властным структурам; местным властям консультироваться с общинами по поводу мер, которые местные жители считают необходимыми для решения проблем
- Разработать программы по созданию совместного бизнеса и совместных деловых интересов, чтобы поощрять этнических абхазов способствовать соблюдению и защите прав этнических грузин в Восточной Абхазии, и способствовать контактам молодежи из Гальского района с молодыми людьми из других районов, чтобы они приобрели больше опыта по взаимодействию друг с другом.

Карта Восточной Абхазии

Карта приведена исключительно в целях иллюстрации. Saferworld не занимает никакой позиции относительно юридической или политической достоверности изображенного.

Введение

Этот доклад представляет собой анализ восприятия вопросов безопасности и защищенности сообществами, проживающими в восточной Абхазии, на основе результатов опроса, проводившегося по месту жительства, и фокус-групп.¹ Кроме того, исследование содержит информацию о восприятии местными жителями эффективности организаций, ответственных за обеспечение безопасности, вероятности повышения напряженности и способов уменьшения этой вероятности.

Цель доклада – передать основанный на местной информации взгляд на динамику местных процессов, связанных с безопасностью и жизненными условиями общин в восточной Абхазии, а также оценку факторов, отрицательно сказывающихся на том и на другом; исходя из этой оценки, предложить соответствующим местным структурам способы реагирования на причины, приводящие к возникновению ощущения незащищенности у местного населения. Полученные результаты основаны на результатах количественного опроса, проведенного в январе 2013 г. в населенных пунктах четырех целевых территорий, а также пяти фокус-групп с местными жителями этих территорий. Saferworld опубликовал аналогичные опросы, отслеживающие ситуацию, в марте 2011 г. и июле 2012 г.² Сравнительный анализ результатов этих опросов дает возможность выявить тенденции и изменения в восприятии безопасности и защищенности в восточной Абхазии за последние три года.

Время выхода доклада в свет является периодом новых возможностей и новых вызовов. В октябре 2012 г. впервые со времен провозглашения независимости Грузии мирная и демократическая передача власти в этой стране появилась надежда на нормализацию отношений между Тбилиси и Москвой и между Тбилиси и Сухумом. Однако эти перемены в грузинской внутренней политике пока что мало отразились на грузино-абхазских и грузино-российских отношениях. Абхазские власти ввели новые, более строгие по сравнению с тем, что были ранее, правила пересечения р. Ингур и для местных жителей и для приезжающих иностранцев, но в то же время открыли два новых пропускных пункта в нижней зоне.³ Абхазское руководство также предписало международным гуманитарным организациям, базирующимся в Абхазии, перенести свою

1 Под словосочетанием «восточная Абхазия» подразумеваются Гальский, Очамчирский и Ткуарчалский районы, в общей совокупности представляющие собой исследуемый нами регион.

2 См. Институт Демократии и Saferworld, *Ограничения и возможности развития общин восточной Абхазии: Опрос по проблемам безопасности общин*, март 2011; Saferworld и Институт демократии, *Возможности для изменений: результаты опроса общин в Восточной Абхазии*, июль 2012.

3 Эти изменения, хоть и не приносят кардинальных изменений, включают в себя более формализованные процедуры перехода р. Ингур и таким образом, отражают позицию абхазского руководства по обеспечению функционирования разграничительной линии по р. Ингур как государственной границы. Новые правила перехода р. Ингур требуют наличия соответствующих паспортов, включая абхазских паспортов для местного населения, что в свою очередь актуализирует проблему получения абхазских паспортов.

деятельность в Гальский район, что было воспринято как шаг по ограничению международного присутствия в Абхазии.⁴

Намеченные на февраль 2014 г. Зимние олимпийские игры в Сочи, которые будут проводиться всего в нескольких километрах от Абхазии, делают задачу обеспечения безопасности и стабильности в регионе еще более насущной. Это делает всех основных участников, включая Сухум, Москву и Тбилиси, заинтересованными в конструктивном сотрудничестве на двусторонней и трехсторонней основе, а также в улучшении обеспечения безопасности в восточной Абхазии и эффективной коммуникации между абхазскими структурами, отвечающими за безопасность, и преобладающим этнически грузинским населением восточной Абхазии.

Доклад начинается с рассмотрения общей ситуации в сообществах, их восприятия безопасности и защищенности, а также вызовов их стабильному существованию. После оценки на уровне общин приводятся оценки ощущения личной защищенности, а также тенденции, наметившиеся за прошедший год и мнения об эффективности структур, отвечающих за безопасность. Далее доклад исследует возможности роста напряженности, события, которые, по мнению респондентов, могут вызвать эту напряженность, и их вероятность. Наконец, доклад исследует уровень и свойства существующего в настоящее время взаимодействия, типы взаимодействия, в котором хотели бы участвовать местные жители, и насколько эффективными, по их мнению, будут эти меры для улучшения местной безопасности и для создания доверия между общинами, проживающими в восточной Абхазии.

⁴ Исключение составляют лишь Программа развития ООН, Детский фонд ООН, Международный Красный Крест и Врачи без границ.

1

Сообщества и их потребности

В этом разделе рассматривается демографическая и социально-экономическая ситуация в восточной Абхазии, выясняются основные проблемы, беспокоящие респондентов, и намечающиеся тенденции в положении конкретных сообществ. Полученные данные отражают наиболее неотложные потребности сообществ и могут использоваться соответствующими организациями, занимающимися безопасностью, для разработки способов реагирования.

Как в данный момент изменяется ситуация в сообществах?

Респонденты не отмечают сколько-нибудь значительных демографических изменений

Как и в предыдущих обзорах, подавляющее большинство респондентов идентифицирует себя как этнические грузины (77%), а 22% идентифицируют себя как этнические абхазы.⁵ Распределение по этническим категориям в четырех регионах также не изменилось: Верхний Гал – исключительно этнические грузины, город Гал и Нижний Гал – в подавляющем большинстве они же – соответственно, 96% и 98%; три-четверти жителей Очамчыро-ткуарчалской группы – этнические абхазы, остальные – в основном, этнические грузины.⁶

Восприятие демографической ситуации у респондентов было неоднозначным, как и при последнем опросе. 45% не отметили никаких изменений, четвертая часть считала, что количество семей, живущих в их городе, увеличилось, а 18% – что уменьшилось. Последняя цифра вдвое выше соответствующей прошлогодней цифры – соответственно уменьшилось число респондентов, затруднившихся с ответом. Этнические абхазы были заметно более склонны отмечать сокращение количества семей – 36% в сравнении с только 13% этнических грузин.

Эти цифры, хоть и разноречивые, создают определенное представление о стабильной населенности, позволяющее заключить, что, несмотря на социально-экономические проблемы и наличие проблем в сфере личной безопасности (исследуемые ниже), люди предпочитают оставаться на местах проживания.

⁵ Статистически незначительное меньшинство – 1% – идентифицировало себя как этнические русские и армяне.

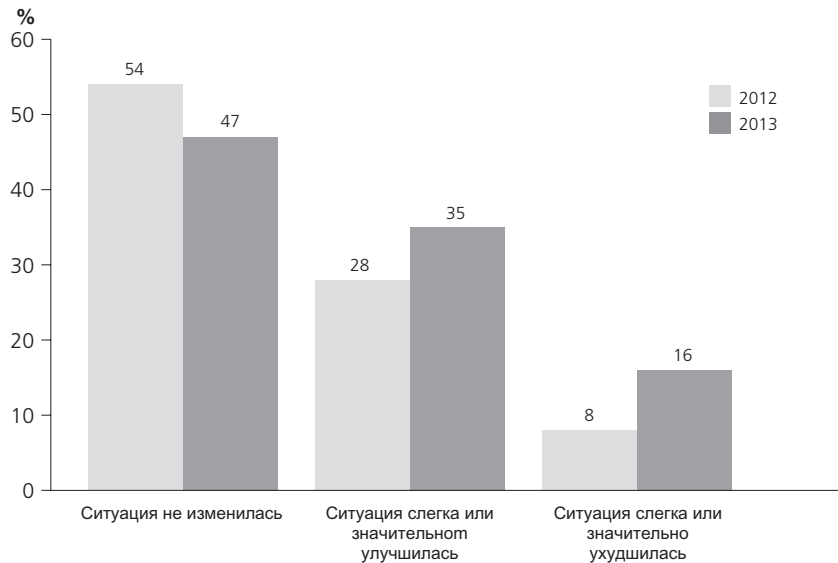
⁶ Следует отметить, что границы Очамчыро-ткуарчалской группы исследования не идентичны с административными границами Очамчырского и Ткуарчалского районов и были определены группой исследователей во время проведения первого опроса в 2010 г.

Возрастающее ощущение физической безопасности перекрывается проблемами в передвижении жителей

Ответы на вопрос, как изменилась общая ситуация в общине за прошлый год, дают неоднородную картину. Как и в прошлом опросе, почти половина респондентов (47%) утверждала, что ситуация не изменилась. Число респондентов, сообщивших об улучшении общей ситуации, слегка увеличилось (с 28% до 35%). Но количество тех, кто сказали, что она ухудшилась, удвоилось – с 8% до 16% (рис. 1).

Рис. 1. Изменения общей ситуации в сообществах: сравнение результатов опросов 2012 и 2013 гг.

Как изменилась ситуация в Вашем сообществе за истекший год?

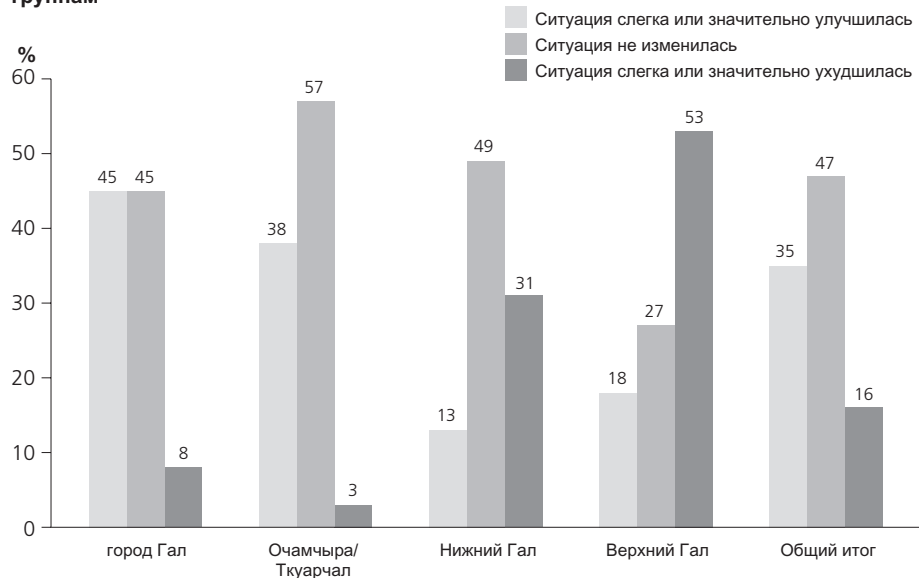
Ответы отличались в зависимости от территориальных групп исследования: восприятие обстановки в группе города Гал и Очамчыро-ткуарчалской группе заметно отличалось от восприятия в группах Нижний Гал и Верхний Гал. Подавляющее большинство респондентов в группе городе Гал и в Очамчыро-ткуарчалской группе отметили улучшение (соответственно, 45% и 38%) или не отметили существенных изменений общей ситуации в своих сообществах. В этих группах только 8% сказали, что ситуация в их сообществах ухудшилась.

В отличие от них, респонденты в Нижнем Гале и Верхнем Гале не так высоко оценивали улучшение общего положения своих сообществ (соответственно, 13% и 18%). Более того, 31% респондентов в Нижнем Гале и 51% в Верхнем Гале сказали, что ситуация в их сообществах ухудшилась (см. рис. 2). Как показано ниже, это может быть связано с тем, как они воспринимают трудности с пересечением реки Ингур и со свободой передвижения в своих деревнях.

Те, кто говорили, что ситуация в их сообществах улучшилась, называли три основных фактора, которые, по их мнению, способствовали улучшениям: меньше инцидентов, связанных с безопасностью (75%), уменьшение угрозы возобновления насилия и улучшившиеся дороги (28%). В отличие от них, те, кто говорили, что ситуация в их сообществах ухудшилась, называли следующие три основных фактора: стало труднее переходить через реку Ингур (70%), стало труднее общаться с родственниками (30%) и получать паспорта (28%). Следует отметить, что ни один респондент в Очамчыро-ткуарчалской группе не назвал эти факторы как способствовавшие ухудшению ситуации в их сообществах, тогда как сельские сообщества этнических грузин демонстрируют сильную зависимость их чувства безопасности и благополучия от возможности совершать регулярные поездки через Ингур. Возросший уровень опасений в связи с общей ситуацией в нижне-Гальских и верхне-Гальских сельских

сообществах этнических грузин, по-видимому, связан с введением в ноябре 2012 г. новых, более строгих правил на Ингурском пропускном пункте. Он может быть связан и с увеличившимися трудностями передвижения по деревням, связанными с регулярными рейдами, которые проводят российские пограничники, и с обязанностью всегда иметь при себе документы. Этот вопрос поднимался на дискуссиях в фокус-группах в Нижнем Гале.⁷

Рис. 2. Как бы Вы описали ситуацию в вашем сообществе/вашей деревне по сравнению с тем, какой она была год назад? – Результаты по географическим группам

Люди не чувствуют свое положение экономически стабильным

Как и раньше, главенствующее положение в структуре занятости принадлежит сельскому хозяйству – 66% респондентов назвали его основным источником доходов. Сельское хозяйство – почти единственный источник дохода в Верхнем Гале (95%) и Нижнем Гале (91%) и также является основным источником дохода 63% респондентов из группы город Гал и 44% респондентов из Очамчыро-ткуарчалской группы. При рассмотрении с точки зрения этничности, сельское хозяйство назвали основным источником 72% респондентов грузин и 45% абхазов. Это может быть отчасти связано с тем, что большинство респондентов-абхазов принадлежит к более урбанизированной Очамчыро-ткуарчалской группе.

В числе других, второстепенных источников дохода – пенсии или социальные пособия (9%), сезонная работа в несельскохозяйственном секторе (7% – в основном, работа на стройках, в сезонной торговле и в сфере обслуживания), служба в государственном секторе (7%); были и другие, статистически незначимые ответы. Этнические абхазы более вовлечены в работу в государственном секторе (16%), чем этнические грузины (4%), что указывает на то, что большинство официальных должностей на местах занимают этнические абхазы. Этнические абхазы также больше вовлечены в малый бизнес (9%) и работу в частном секторе (8%), чем их этнически грузинские соседи (соответственно, 2% и 3%).

55% респондентов – примерно столько же, как и в прошлогоднем опросе – не смогли ответить на вопрос, ожидают ли они роста своих семейных доходов в текущем году. 22% – по сравнению с 29% в прошлом году – ответили, что ожидают, а 23% – по сравнению с прошлогодними 12% – не ожидали увеличения

⁷ «Мы не можем свободно передвигаться по деревне», безработный, участник ниже-гальской фокус группы, март 2013 г. «Как только стемнеет, мы не можем ходить к соседям. Нам надо всегда иметь при себе документы», агроном, Нижний Гал, март 2013

доходов, что свидетельствует о снижении оптимистических ожиданий экономического благополучия. Что касается территориальных различий, то в Очамчыро-ткуарчалской группе респонденты были настроены в два раза оптимистичнее в том, что касается вероятности роста своих доходов (38%), чем в трех остальных территориальных группах (в среднем 16%). Однако гораздо важнее то, что больше половины респондентов – независимо от этнической принадлежности – не смогли ответить на этот вопрос, из чего следует, что местное население в целом не считает свое положение экономически устойчивым.

Каковы наиболее насущные потребности сообществ?

Во главе списка по-прежнему безработица и проблемы социально-экономической инфраструктуры

В условиях отсутствия промышленной базы и ограниченных возможностей, предоставляемых сектором обслуживания, неудивительно, что наиболее острой проблемой остается безработица: 72% – почти столько же, сколько и в прошлогоднем опросе – называют ее в числе трех наиболее важных проблем, с которыми им приходится сталкиваться.

Жители городов Гал, Очамчыра и Ткуарчал называли безработицу чаще жителей двух остальных регионов: в группах города Гал, Очамчыро-ткуарчалской группе – соответственно, 78% и 82%; в Нижнем и Верхнем Гале – соответственно, 44% и 57%.

Второй из наиболее острых проблем оставалось плохое состояние дорог: его назвали 45% респондентов. Но примечательно, однако, что это меньше прошлогодней цифры – 55% – что, скорее всего, связано с существенными улучшениями, проведенными властями, особенно с тем, что были заново заасфальтированы Ингурско-сухумское шоссе и дороги в г. Гал. Наверное, именно поэтому меньше всего внимания этой проблеме уделили в группе города Гал – 33% – по сравнению с 62% в Очамчыро-ткуарчалской группе, 53% в Нижнем Гале и 44% в Верхнем Гале.

Рис. 3. Наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются сообщества⁸

Каковы наиболее острые проблемы, с которыми сталкивается ваше сообщество/ваша деревня?

Четвертой из наиболее острых проблем было названо низкое качество здравоохранения: его назвали 28% респондентов – столько же, сколько и в прошлогоднем опросе. Что касается территориальных различий, эта проблема,

⁸ Показаны только 10 ответов, набравших больше всего голосов. Остальные предлагавшиеся ответы на этот вопрос набрали в общей сложности меньше 9% и в диаграмму не включены.

по-видимому, больше беспокоила жителей г. Гал, Очамчыра и Ткуарчал (по 33% в обеих группах), чем жителей Нижнего и Верхнего Гала (соответственно, 13% и 9%). Но что касается этнических различий, доля этнических грузин и этнических абхазов, назвавших эту проблему первой, второй или третьей из наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются их сообщества, были почти одинаковыми (26%).

При дальнейшем исследовании восприятия, касавшегося проблем, связанных с социально-экономической инфраструктурой, территориальные и этнические различия становятся более четкими: создается впечатление, что респондентов в Очамчыро-ткуарчалской группе больше беспокоит доступность обслуживания – напр., доступ к питьевой воде и электричеству – чем проблемы, связанные с правами человека – такими, как свобода передвижения или доступность удостоверения личности, которые актуальны для сообщества этнических грузин. Так, 50% респондентов в Очамчыро-ткуарчалской группе назвали одной из трех главных проблем своих сообществ нерегулярную подачу электричества, тогда как в городе Гал только 9% упомянули ее как проблему, а в Нижнем и Верхнем Гале – почти никто. Схожую тенденцию можно заметить в ответах, называющих одной из трех основных проблем сообщества недостаток питьевой воды. Эту проблему назвали 13% респондентов – больше, чем в предыдущем опросе (9%) – но эта проблема была упомянута только в Очамчыро-ткуарчалской группе (24%) и в гальской городской группе (13%) и почти никем из двух остальных групп.

Эти результаты, может быть, связаны с мнением о том, что Гальский район пользуется бóльшим вниманием властей, чем остальные районы Абхазии, высказывавшемся в фокус-группах в Очамчырском и Ткуарчалском районах: «Они всё делают в Гале, это факт»,⁹ «Там они и дороги провели, и трубы поменяли, и канализацию провели»,¹⁰ «Всё внимание уделяется тому региону»,¹¹ «Их больше нигде ничего не интересует».¹² Эти замечания могут и не соответствовать действительности, но важно, чтобы власти обратили внимание на эту обеспокоенность и следующие решения о том, куда вложить денежные средства, принимались прозрачно и объяснялись бы населению, чтобы другие районы не чувствовали себя обойденными в пользу Гальского, поскольку это может создавать напряженность в отношениях между жителями разных районов.

Получение удостоверений личности и контакты с родственниками по ту сторону Ингурского моста – по-прежнему острая проблема

42% респондентов – почти столько же, сколько в предыдущем году – назвали в числе трех наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются их сообщества, проблемы с получением паспорта и других документов, удостоверяющих личность. Эти трудности – одно из основных препятствий для пересечения реки Ингур – беспокоили почти исключительно этнических грузин (54%) – их упоминают только 2% этнических абхазов. Это свидетельствует о том, что этническим грузинам, обращающимся за паспортом, труднее получить приемлемые документы.

При обсуждении трудностей, с которыми сталкиваются этнические грузины при получении абхазского паспорта, всплывают как политические причины, так и причины, связанные с процедурами. Абхазские власти признают наличие проблемы, но при этом указывают, что, по официальным данным, за последний год в Гальском районе было выдано больше паспортов, чем в какой-нибудь другой части Абхазии. В частной беседе они также ссылаются на соображения национальной безопасности,

⁹ Участник фокус группы, Безработный, Очамчырский район, март 2013 г.

¹⁰ Участник фокус группы, Учитель, там же.

¹¹ Участник фокус группы, безработный, с. Река, Очамчырский район, март 2013 г.

¹² Участник фокус группы, Буфетчица, там же.

предполагающие, что предварительным условием для получения гражданства должна быть лояльность к абхазской государственности. И действительно, официальное двойное грузинско-абхазское гражданство юридически запрещено. Еще одна проблема – обременительная процедура получения паспорта, требующая множества документов, при сборе которых у этнически грузинского населения зачастую возникают трудности. Это особенно относится к документам, которые надо получить в Грузии и затем заверить, например, свидетельства о браке и о рождении. Поскольку многие части восточной Абхазии, как правило, пребывают в изоляции, местным жителям в ряде случаев приходится преодолевать большие расстояния, чтобы обратиться в паспортный стол по проблемам, связанным с документами, что требует больших расходов времени и денег. В некоторых случаях паспортный стол просто не сообщает просителям, будет ли им выдан паспорт, хотя закон требует, чтобы паспортный стол в течение двух месяцев после получения требуемого комплекта документов или выдал бы паспорт, или сообщил просителю об отказе.

Взаимосвязанный с проблемой получения паспортов, 17% респондентов – меньше по сравнению с прошлогодними 29% – назвали в числе основных проблем своего сообщества трудности с переходом через Ингурский мост. Из респондентов об этом упомянули 23% этнических грузин, которым для сохранения семейных связей необходимо пересекать мост, но не упоминали этнические абхазы. Как и можно было ожидать, наибольшую озабоченность проявили два региона, ближе всего расположенных к р. Ингур – Верхний и Нижний Гал. Примечательно, однако, что общий уровень озабоченности этой проблемой в Верхнем Гале разительно упал – с 92% в опросе 2012 г. до 51% в этом году. В Нижнем Гале уровень озабоченности по поводу трудностей с переходом через Ингур практически не изменился – 31%.

Следует отметить, что после внедрения новых процедур для перехода ингурского моста, абхазские власти объявили о планах открытия новых контрольно-пропускных пунктов.¹³ Так, два пункта были открыты в мае 2013 г. – один в селе Отобая, другой в Набакиа.¹⁴ Открытие дополнительных пропускных пунктов в значительной мере может облегчить условия жизни в Галском районе и уменьшить попытки несанкционированного пересечения на другую сторону р. Ингур.

Следующая наиболее чаще упоминаемая проблема – ухудшившиеся контакты с друзьями и родственниками по другую сторону р. Ингур, также связана с проблемами в получении паспортов и, соответственно, с трудностями при пересечении Ингурского моста. Ее упоминали 11% респондентов – столько же, что и в прошлогоднем опросе. С точки зрения этнической принадлежности, 13% этнических грузин и только 3% абхазов упомянули эту проблему. Примечательно, что особенно высокий уровень эта проблема получила в Верхнем Гале – 31%; это может значить, что жителям Верхнего Гала, живущим подальше от Ингурского моста, труднее добираться до родственников и семей через этот мост.

Как правило, о возможности переправляться через Ингур больше беспокоились женщины – им, по-видимому, чаще приходится через него переправляться.¹⁵ 8% женщин упомянули трудности с пересечением Ингурского моста и только 3% мужчин.¹⁶ Точно так же они в два раза больше мужчин озабочены ухудшением связи с друзьями и семьями по ту сторону р. Ингур (женщины – 13%, мужчины – 7%).

¹³ «Между Абхазией и Грузией появятся новые КПП», Vestikavkaza.ru, 20 января 2013 г.

¹⁴ «На государственной границе Республики Абхазия открыли два пропускных пункта» Apsnypress.info, 15 мая 2013

¹⁵ Данные другого раздела этого опроса подтверждают, что женщины действительно чаще мужчин пересекают границу. Например, 8% опрошенных женщин утверждают, что контактируют с российскими пограничниками «довольно часто», а мужчин – только 3%. О контактах с абхазскими пограничниками сообщали 32% женщин и 24% мужчин.

¹⁶ Однако, когда первые, вторые и третьи приоритеты складываются вместе, эта разница между восприятиями мужчин и женщин не так заметна – в числе трех наиболее острых проблем о трудностях с пересечением Ингурского моста упоминают 15% мужчин и 19% женщин.

Ответы респондентов свидетельствуют о явных признаках укрепления правопорядка

Произошли существенные позитивные перемены в том, что касается проблем, относящихся не к классу социально-экономической, а к сфере так называемой «жесткой (физической) безопасности». Эти проблемы не бросаются в глаза, поскольку почти не упоминаются среди наиболее острых проблем респондентов. Озабоченность проблемой преступности почти не изменилась – ее упоминают только 4% респондентов. Это означает, что разительное падение озабоченности населения преступностью, засвидетельствованное в прошлогоднем опросе, действительно имело место, и это не временный, а устойчивый результат. Прошлогодний опрос показал падение озабоченности уровнем преступности с 15% до 3%. Точно так же в прошлогоднем опросе 5% респондентов упоминали вымогательства, а в этом году – ни один. В качестве острых проблем практически не упоминались стрельба, наличие вооруженных групп или похищение людей.

Некоторые из этих проблем, связанных с безопасностью, по-видимому, не особенно беспокоящих респондентов на всей территории опроса, тем не менее важны для Нижнего Галя. В этом регионе 30% респондентов назвали острой проблемой преступность, тогда как в остальных трех группах ее не назвал ни один респондент. Точно так же похищение людей не признано достойным упоминания ни в одном регионе, кроме Нижнего Галя, где его упоминают 4% респондентов. Озабоченность респондентов в этой группе общей ситуацией с преступностью возросла после того, как прошлым летом там был ряд громких случаев похищения людей.¹⁷ Это указывает на то, что властям крайне необходимо принять меры по дальнейшему укреплению безопасности в этом регионе.

¹⁷ См., например: Caucasus Knot, 'In Gali District of Abkhazia, local resident Lasha Belkaniya kidnapped', June 22 2012, <http://www.eng.kavkaz-uzel.ru/articles/21372/>; Kavkaz News, В Гальском районе похищен 9-летний мальчик, 15.08 2012, <http://news.rambler.ru/15131667/>

2

Личная безопасность и роль действующих лиц/структур, обеспечивающих безопасность

В этой главе рассматриваются вызовы, с которыми сталкиваются жители восточной Абхазии, и их влияние на ощущение личной безопасности у местных жителей. Оценивается роль организаций, в компетенцию которых входит реагирование на угрозы и обеспечение безопасности.

Каковы вызовы для личной безопасности?

Наибольший риск для личной безопасности создают повседневные бытовые проблемы

В ответ на вопрос об угрозах личной безопасности, респонденты называли в основном повседневные бытовые проблемы – во многом те же, что и острые проблемы их сообществ.

За истекший год произошел ряд перемен. Безработица резко подскочила вверх – 66% респондентов – по сравнению с 25% в прошлогоднем опросе – назвали ее в числе факторов риска для личной безопасности. По сравнению с прошлогодними результатами значимость других социально-экономические факторов несколько понизилась: в частности, плохие дороги упомянули 43% респондента, по сравнению с 56% в прошлом году, упоминания недостаточного уровня здравоохранения снизились с 37% до 29%.

Преступность как фактор, влияющий на ощущение личной незащищенности (любопытно, что в прошлом году ее назвали меньше 1% опрошенных) в этом году назвали 5% опрошенных. Следует, однако, заметить, что эту проблему упоминали исключительно в нижнегальской группе – там 36% назвали ее одной из трех основных причин ощущения личной незащищенности.

Из положительных изменений следует отметить, что уменьшилась неотзывчивость властей как фактор незащищенности – ее упомянули только 10% респондентов, почти вдвое меньше, чем в прошлом году. На первый взгляд, это не согласуется с возросшим страхом перед преступностью, но почти полное исчезновение случаев вымогательства – упоминаются менее чем 1% респондентов – свидетельствует о явных изменениях, полученных в результате профилактических мероприятий властей.

Присутствие российских военных, внушавшее большую тревогу во время прошлогоднего опроса (в том году 32% респондентов назвали его в числе факторов, вызывавших тревогу за личную безопасность), в этом году упоминают только 12% респондентов. Это наводит на мысль, что прошлогодние опасения, связанные с российским военным присутствием и опасностью «русификации» региона, не находят подтверждения в местных реалиях и, возможно, отношения между местными жителями и российскими военными в какой-то мере нормализуются.

О трудностях перехода по Ингурскому мосту как источнике личной незащищенности упомянули в этом году 21% респондентов, тогда как в прошлом году только 10%. Удвоение этой цифры, по-видимому, связано с введением новых правил перехода через Ингурский мост в ноябре 2012 г., которое произошло всего за несколько месяцев до сбора данных опроса. Наряду с этими результатами, однако, только 16% респондентов указывают на ухудшение связей с друзьями и родственниками, живущими по другую сторону р. Ингур – меньше, чем 25% в прошлогоднем опросе.

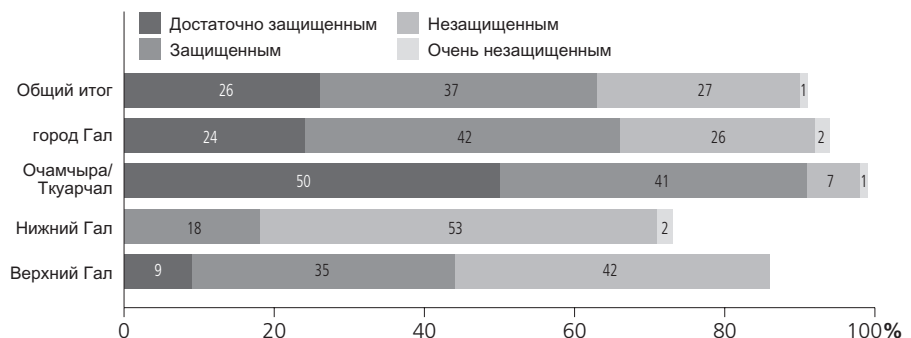
Полученные результаты сильно разнятся по регионам – озабоченность вызывает ситуация в Нижнем Гале. Респонденты этой группы сообщали о сохранившейся у них тревоге о том, что касается преступности (36%) и похищений людей (15%); в списке угроз личной безопасности других территориальных групп эти два фактора практически отсутствуют. В то же время верхнегальские респонденты в большей степени акцентируют на проблемы, связанные с переходом через Ингур (69%), а респонденты группы города Гал и Очамчыро-тқуарчалской группы больше упоминают социально-экономические проблемы.

Насколько безопасно чувствуют себя люди?

Жители Нижнего и Верхнего Гала сообщают о более высоких уровнях незащищенности, особенно с наступлением сумерек

В целом, люди чувствуют себя скорее в безопасности, чем в опасности. 63% респондентов сообщили, что лично они чувствуют себя в своем сообществе/своей деревне или «очень безопасно» (26%) или «безопасно» (37%). Только 27% респондентов сказали, что лично они чувствуют себя «не безопасно», и только 1% сказал, что чувствует себя «очень не безопасно». На вопрос, как изменилось у них лично за истекший год ощущение безопасности, половина респондентов (52%) сказала, что чувствует себя так же, 31% сказал, что чувствует себя «гораздо более безопасно» (21%) или «более безопасно» (10%), 12% сказали, что чувствуют себя «менее безопасно» (11%) или «гораздо менее безопасно» (1%).

Рис. 4. Насколько безопасно вы себя чувствуете в вашей деревне/вашем сообществе?

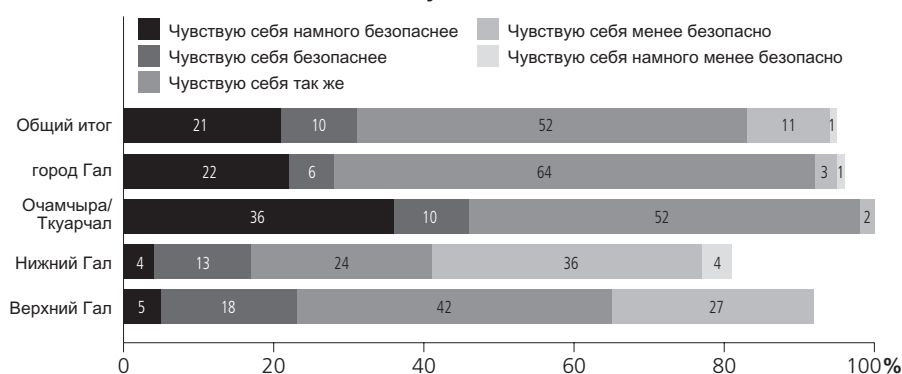

Налицо, однако, заметные различия между сообществами группы г. Гал и Очамчыро-тқуарчалской группы, с одной стороны, и нижнегальской и верхнегальской группами, с другой стороны. Последние две сообщают о более высоком чувстве незащищенности на личном уровне. Так, в Очамчыро-тқуарчалской группе только 7% респондентов сказали, что чувствует себя «не

безопасно», в Верхнем Гале такой ответ дали 42%, а в Нижнем Гале 53%. Ответы респондентов гальской городской группы совпадали с суммарной средней оценкой (26%).

Такие же территориальные различия были обнаружены в ответах на вопрос об изменениях личного ощущения безопасности за истекший год. Нижнегальские респонденты и тут проявили гораздо большую озабоченность: около 17% сказали, что чувствуют себя «безопасно» или «более безопасно», 24% не отметили изменений, а 36% ответили: «менее безопасно». Верхнегальские респонденты были настроены чуть более оптимистично: 24% сказали, что они в большей безопасности, 42% не отметили изменений и 27% чувствовали себя менее безопасно. В отличие от них в Очамчыро-ткуарчалской группе почти половина респондентов (46%) – в два с лишним раза выше суммарной средней оценки – отметили улучшение своей личной безопасности, а вторая половина не отметила существенных изменений чувства безопасности за прошедший год. В этой группе только 2% сказали, что чувствуют себя «менее безопасно» (см. рис. 5).

Рис. 5. Как изменилось ваше личное ощущение безопасности за последний год?¹⁸

В Очамчыро-ткуарчалской группе и в группе города Гал меньшее количество людей чувствовали себя в меньшей безопасности с наступлением сумерек. На вопрос, чувствуют ли они себя в меньшей безопасности с наступлением темноты, только 10% респондентов из группы города Гал и 4% респондентов из Очамчыро-ткуарчалской группы ответили положительно. Цифра для Очамчыро-ткуарчалской группы прямо противоположна соответствующей прошлогодней цифре: в прошлом году это было 90%. Схожее улучшение было отмечено в Верхнем Гале, где прошлогодняя цифра была также 90%; в этом году только 22% респондентов сказали, что чувствуют себя менее безопасно по ночам. В Нижнем Гале количество респондентов, говорящих так, оставалось высоким: 62%. Это можно объяснить сочетанием нескольких факторов, таких как близость к территориям с пограничным режимом по р. Ингур, более высокая озабоченность проблемой преступности, плохим состоянием дорог, низким уровнем доверия к структурам, отвечающим за обеспечение безопасности, – все эти факторы способствуют укоренению чувства изоляции среди местного населения.

Как люди воспринимают структуры, ответственные за обеспечение безопасности?

Данные опросов показывают невысокий уровень доступности официальных структур, обеспечивающих безопасность, а также низкий уровень взаимодействия между этими структурами и местным населением

У респондентов спрашивали, с какими структурами или лицами, обеспечивающими безопасность, они взаимодействуют чаще всего. Как можно было предвидеть, как и в предыдущих опросах, люди чаще всего взаимодействуют

¹⁸ Недостающие проценты приходятся на ответы «Не знаю» или «Отказываюсь отвечать», которые мы опустили, чтобы упростить диаграмму.

с родственниками или друзьями, нежели с какими-либо структурами – 56% сказали, что взаимодействуют с родственниками или друзьями часто (или очень часто). Интересно, что меньше всего взаимодействия показали респонденты в Нижнем Гале – только 13% сказали, что взаимодействуют с родственниками или друзьями «довольно часто» или «очень часто». Точно так же, нижнегалцы показали почти в два раза меньшее взаимодействие с родственниками и друзьями (35%), чем их соседи в группе городе Гал (70%) и Очамчыро-тқуарчалск ой группе (66%). В этой связи стоит вспомнить, что в Нижнем и Верхнем Гале респонденты, жаловавшиеся на ухудшение ситуации в своих сообществах (количество таких респондентов там было выше среднего), объясняли ситуацию трудностями в пересечении р. Ингур и, соответственно, в поддержании связи с родственниками по ту сторону реки.

На втором месте с большим отрывом идут местные власти – около 19% всех респондентов сказали, что часто взаимодействуют с этими структурами. Примечательно, что, по словам жителей Нижнего Гала, их уровень взаимодействия с местными властями выше среднего: Нижний Гал – 42%, средний уровень для остальных трех территориальных групп – 8%.

Как и в прошлогоднем опросе, ответы во всех группах показывают низкий уровень взаимодействия местного населения с центральными сухумскими властями и абхазской милицией – соответственно, только 3% и 6% сказали, что они часто взаимодействуют с этими структурами. Важно отметить, что в Нижнем и Верхнем Гале ни один из опрошенных не сообщил о частом взаимодействии с властями в Сухуме, а 55% и 51%, соответственно, сказали, что никогда не вступали с ними в контакт. Что касается взаимодействия с абхазской милицией, то 51% респондентов в Верхнем Гале и 58% в Нижнем Гале сказали, что с ней не взаимодействуют, а 27% из этого числа в Нижнем Гале сообщили, что в их местности вообще нет абхазской милиции. Эти данные свидетельствуют о необходимости улучшить доступ и общение местных сообществ с абхазскими властями и милицией.

Респондентов также просили назвать тех, кто, в основном, отвечает за обеспечение безопасности в местных сообществах. Подавляющее большинство – 79% – назвало основными своими защитниками друзей и родственников; это выше, чем в прошлом году (44%). Предположительно, это не столько положительная оценка способности друзей и родственников обеспечивать безопасность, сколько отрицательная оценка тех организаций, от которых было бы естественнее ожидать обеспечения безопасности. Интересно, что в группе города Гал и в Очамчыро-тқуарчалской группе количество тех, кто назвал своими защитниками друзей и знакомых, было почти на 20% выше, чем в Нижнем и Верхнем Гале. Кроме того, в Очамчыро-тқуарчалской группе и в городе Гал респонденты были более склонны называть старейшин и религиозные организации, чем в Верхнем и Нижнем Гале, что, по-видимому, означает, что социальная ткань в двух последних регионах не такая плотная, как можно было ожидать в сельских сообществах.

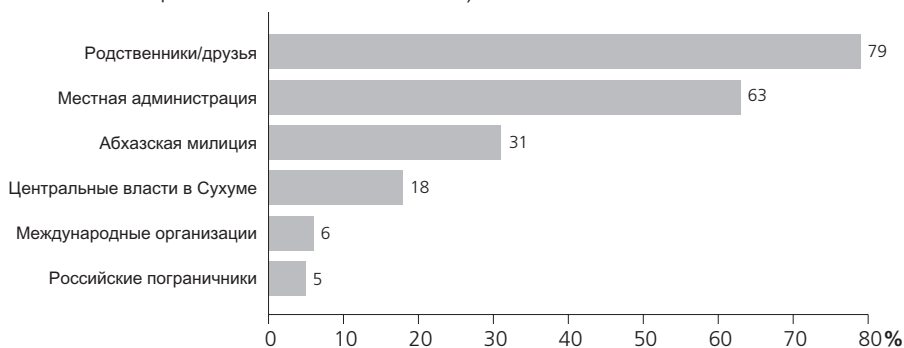
Подобно тому, как это было в прошлом году, 63% респондентов назвали «основными структурами или лицами, обеспечивающими их безопасность», местные власти, что отражает тот факт, что эти структуры ими воспринимаются более доступными и более заслуживающими доверия. Особенно заслуживают внимания очень высокие цифры упоминания местных властей в числе основных организаций, обеспечивающих безопасность, у респондентов из Нижнего и Верхнего Гала – соответственно, 89% и 91%. В прошлогоднем опросе в этих районах тоже был зафиксирован их высокий рейтинг (соответственно, 76% and 70%). Это подтвердили и дискуссии в фокус-группах: их участники в Гальском районе были более склонны положительно оценивать как сельскую, так и районную администрацию, чем участники фокус-групп в других районах. И в самом деле, в других районах были жалобы на то, что районная

администрация редко советуется с населением и плохо знакома с местными проблемами, отбивая у людей желание работать с ней над этими проблемами.¹⁹ В некоторых местах участники признавали, что сельская администрация делает всё, что может, чтобы поддержать население, но она мало что может, например: «Сельская администрация делает, что может. Наверное, они мало что могут без районной администрации, но мы все равно к ним ходим».²⁰ Эта разница во мнениях между группами, показывает, что когда конкретные лица в управленческих структурах проявляют инициативу, это не остается незамеченным населением. Это наводит на мысль, что отношения между населением и местными властями – не производные от последовательной политики в области доступности и сотрудничества, а сильно зависят от конкретных лиц, занимающих посты в конкретной структуре.

Центральные сухумские власти называются в числе «основных организаций, обеспечивающих безопасность, только в 18% ответов респондентов – явное понижение по сравнению с прошлогодними результатами (34%). Это понижение отразилось на всех группах примерно с таким же раскладом, что и в прошлом году: в Очамчыро-ткурчалской группе и нижнегальской группе центральные власти упоминались чуть чаще (соответственно, 25% и 20%), чем в городе Гал (13%) и Нижнем Гале (15%) (см. рис. 6). Такой спад может быть связан с мнением, что центральные власти не выполнили своих предвыборных обещаний, что привело к разочарованию в этих властях: «Как выборы, так они тут как тут и обещают всё, что угодно, но, к сожалению, это только слова»,²¹ «Они обещают что угодно, но после выборов просто исчезают».²²

Рис. 6. Восприятие структур, отвечающих за обеспечение безопасности, на уровне сообществ

Какая структура защищает вас в вашей деревне/вашем сообществе (кого Вы считаете основными защитниками вашей безопасности)?²³

Кроме того, были обнаружены заметные различия между группами в том, что касается восприятия абхазской милиции и российских пограничников. Организацией, отвечающей за безопасность в регионе, абхазскую милицию назвал 31% респондентов – меньше, чем 37% в прошлом году. В Верхнем Гале абхазскую милицию назвали только 4% респондентов, в отличие от Нижнего Гала (24%), города Гал с окрестностями (29%) и Очамчыро-ткурчалской группы (53%). Но интересно, что в ответах на вопрос о российских пограничниках респонденты в Верхнем Гале показали гораздо более высокий уровень доверия к российскому военному присутствию. 26% респондентов в Верхнем Гале

19 На вопрос довольны ли они местными и центральными властями, участники фокус групп из Очамчырского и Ткурчалского районов давали следующие ответы: «Нет, ни местные, ни центральные власти не обращают на нас никакого внимания» (агроном, Очамчыра). «Когда это было, чтобы местные власти о нас беспокоились? Они беспокоятся, только когда им нужны наши голоса» (учитель, Очамчырский район). «Кто когда видел, чтоб кто-нибудь спрашивал о наших проблемах? А у нас уйма проблем. Ни центральные, ни местные власти не обращают на нас никакого внимания» (учитель, Очамчырский район). «Честно говоря, мы не ходим в районную администрацию. Может, они нам и помогли бы, но мы к ним не ходим рассказывать о наших проблемах» (служащий, Ткурчалский район).

20 Учитель, Ткурчалский район., март 2013 г.

21 Водитель, Очамчырский район, март 2013 г.

22 Учитель, Гальский район, март 2013 г.,

23 Остальные ответы набрали меньше 5% и в диаграмму не включены.

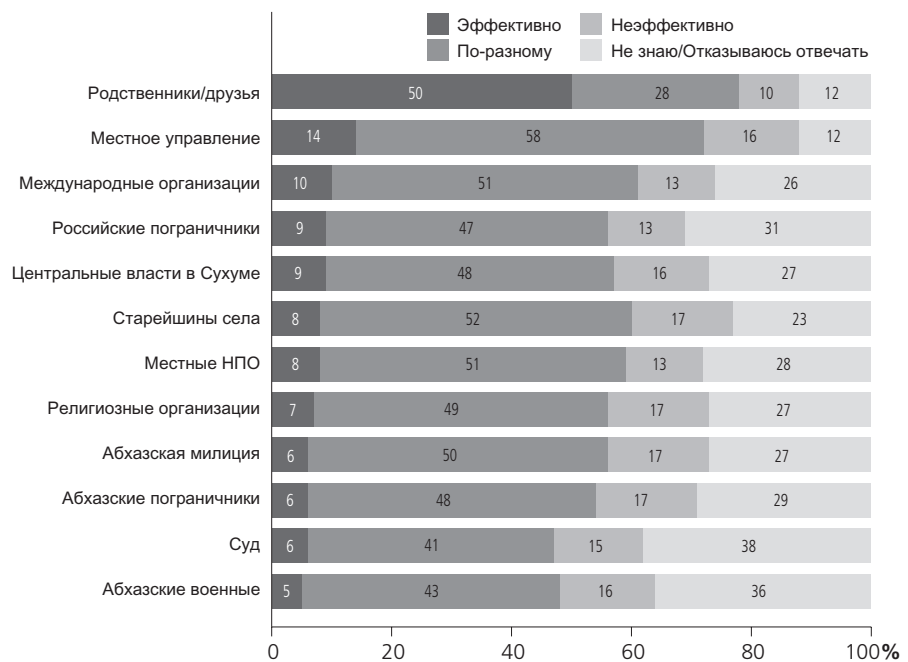
назвали российских пограничников ответственными за безопасность, тогда как усредненная цифра по трем остальным территориальным группам составила 1%.

Сообщества критически оценивают официальные структуры, ответственные за безопасность

Респондентов попросили оценить эффективность структур ответственных за безопасность в их регионах. Результаты показывают, что независимо от географического региона, этнической принадлежности или пола, респонденты по-прежнему очень критически относятся к эффективности всех формальных структур, отвечающих за безопасность (см. рис. 7). Результаты показывают также большое число уклончивых ответов – «не знаю» и «отказываюсь отвечать».

Рис. 7. Эффективность структур, ответственных за безопасность, в работе с местными проблемами²⁴

Насколько хорошо следующие структуры справляются с проблемами безопасности, с которыми сталкивается ваше сообщество/ваша деревня?

Неформальные социальные структуры – родственники и друзья – по-прежнему считаются наиболее эффективными гарантами безопасности – их называют 50% респондентов. Как и в прошлом году, по восприятию их эффективности на втором и третьем местах с большим разрывом идут местные власти и международные организации. Центральные сухумские власти и абхазская милиция были расценены как эффективные, соответственно, 9% и 6% респондентов. Наиболее высокие оценки эти структуры получили в Очамчиро-ткуарчалской группе (15% за центральные власти в Сухуме и 9% за абхазскую милицию). В отличие от этих групп, в Нижнем и Верхнем Гале только 2% респондентов оценили сухумские власти и абхазская милицию как эффективные.

Интересно, что восприятие эффективности российских пограничников (9% респондентов) слегка улучшилось по сравнению с прошлым годом (4%). Это незначительное изменение, наряду с вышеупомянутым трехкратным уменьшением упоминаний российского военного присутствия в перечне основных вызовов личной безопасности, показывает, что несмотря на высказанные в прошлогоднем опросе опасения по поводу российского военного присутствия в восточной Абхазии, в настоящее время появились признаки постепенной нормализации отношений между российскими военными и

²⁴ Мы объединили ответы «очень эффективно» с ответами «довольно эффективно» и ответы «очень эффективно» с ответами «довольно неэффективно».

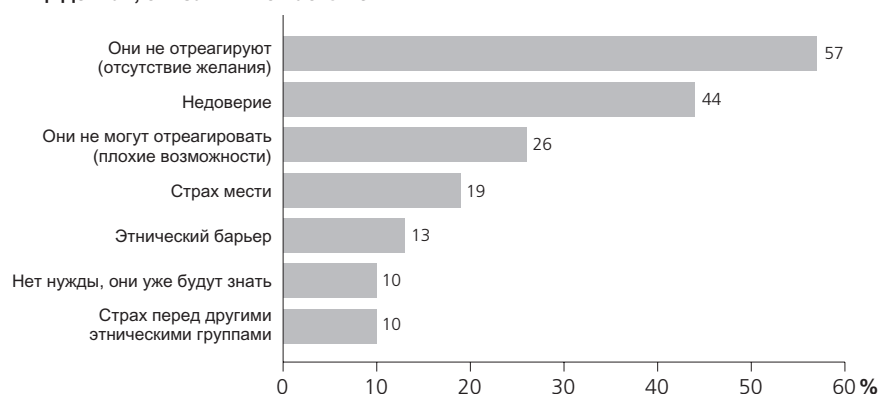
местными жителями, особенно в Верхнем Гале, где 26% записали российских пограничников в категорию «довольно эффективно» обеспечивающих безопасность в их регионе. Следует, однако, отметить, что, в отличие от Верхнего Гала, жители Нижнего Гала, живущие ближе к территориям с пограничным режимом по р. Ингур, относятся к российскому военному присутствию без энтузиазма – ни один респондент в этом регионе не назвал российских пограничников эффективными гарантами безопасности. Это может быть вызвано тем, что у жителей Нижнего Гала менее позитивный опыт общения с российскими пограничниками: местные жители жаловались на произвол пограничников при перекрытии дорог, грубое обращение, задержания, содержание под арестом и даже избиения.²⁵

Некоторое представление о том, почему столько респондентов называют официальные структуры неэффективными, можно получить из анализа готовности населения к контактам с этими структурами и факторов, мешающих большинству местных жителей сообщать о преступлениях и инцидентах, связанных с насилием.

29% респондентов сказали, что чувствуют себя «очень» или «довольно» уверенно, когда им приходится сообщать властям о преступлении или инциденте. Наибольший процент, 36% респондентов, ответил: «не очень уверенно» или «вовсе не уверенно». Это показывает, что недоверие к структурам, обязанным обеспечивать безопасность, по-прежнему остается высоким. Это означает, что отвечающим за безопасность властям надо еще много поработать, чтобы завоевать доверие тех, кому они должны служить. С другой стороны, есть и положительная динамика: эти результаты показывают, что уровень недоверия продолжает уменьшаться, что может означать постепенное повышение эффективности структур, отвечающих за безопасность.²⁶

Приводимые респондентами причины, по которым они не сообщают о насильственных преступлениях, позволяют многое понять (рис. 8).

Рис. 8. Факторы, мешающие местным жителям сообщать властям о преступлениях и инцидентах, связанных с насилием

57% респондентов говорят, что не сообщают о таких преступлениях, потому что у соответствующих властей нет желания реагировать. Это мнение было почти одинаково распространено во всех территориальных группах, но было меньше выражено в Нижнем Гале, где его высказали 33% респондентов.

Вторая причина, наверное, родственна первой: 44% респондентов назвали причиной, по которой они не сообщают о насильственных преступлениях – это недоверие к соответствующим властям. Для города Гал эта цифра была близка к

²⁵ Так, например, в декабре 2012 г. группа жителей села Набакиа написали открытое письмо, адресованное абхазским властям, российскому военному командованию и международным правозащитным организациям, с жалобами на грубость и избиения российскими пограничниками местных крестьян, подозревавшихся пограничниками в попытке несанкционированного перехода через р. Ингур.

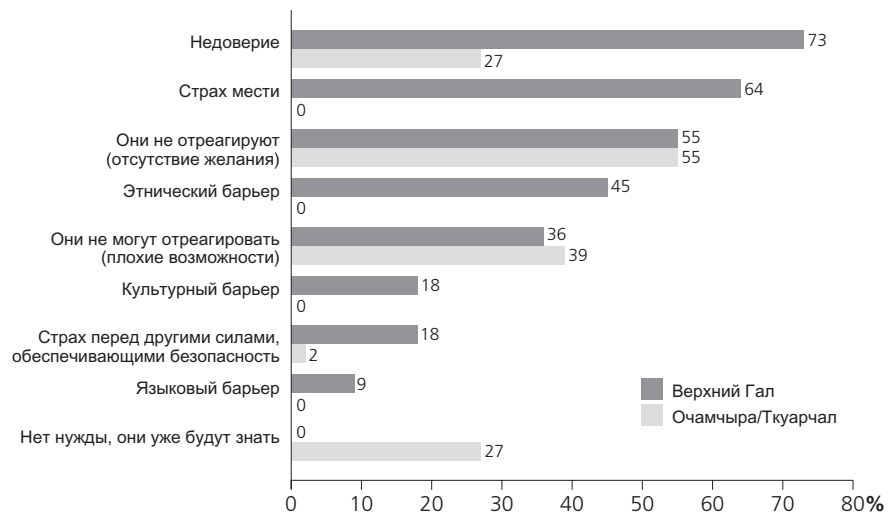
²⁶ В опросе 2012 г. 48% респондентов сказали, что «не очень уверены» или «совсем не уверены», когда сообщают о преступлении или инциденте, а в опросе 2011 г. – 67%.

средней – 53%; наиболее низкие цифры были в Очамчыро-ткуарчалской группе – 27% – и в Нижнем Гале – 25% (редкий случай сходства между этими двумя группами), самая высокая – 73% – в Верхнем Гале, что согласуется с отмеченным выше низким уровнем доверия его жителей к абхазской милиции.

Третья из наиболее часто приводимых причин – это мнение о том, что соответствующие власти не способны реагировать; его приводят 26% респондентов. В Очамчыро-ткуарчалской и верхнегальской группах показатели по этому ответу выше среднего.

Сравнение между Очамчыро-ткуарчалской и остальными тремя группами показывает, что жители трех регионов, населенных преимущественно этническими грузинами, более склонны воздерживаться от сообщений о преступности из страха за свою безопасность и из-за социальной уязвимости (такие ответы, как «боязнь мести» или близкий ответ «боязнь [отрицательной реакции] других структур безопасности», этнический, культурный и языковой барьеры), тогда как для Очамчыро-ткуарчалской группы более характерно воздерживаться от сообщений о преступлениях из-за общей недоверчивости к структурам, занимающимся безопасностью, неверия в их возможности и недоверия к их профессионализму. Это ясно видно из сравнения этой группы с Верхним Галом (см. рис. 9).

Рис. 9. Факторы, мешающие местным жителям сообщать властям о преступлениях и инцидентах: сравнение между Очамчыро-ткуарчалской группой и Верхним Галом

Верхний Гал отличается от остальных регионов тем, что опасение вызвать месть как причина, по которой жители не сообщают о преступлениях, там упоминается 64% респондентов, тогда как средняя цифра для остальных исследуемых регионов – 11%. Это согласуется с общим недоверием к абхазским властям и милиции в Верхнем Гале. Месть обычно имеет место в контексте отсутствия правопорядка. Другое заметное отличие Верхнего Гала связано с частотой упоминания этнического барьера как фактора, препятствующего сообщениям о преступлениях. В трех остальных регионах эту проблему упомянули в среднем 9% опрошенных, а в Верхнем Гале – 46%.

Нижний Гал выделялся среди регионов в том смысле, что там больше, чем где-либо, респондентов упоминало языковой барьер как препятствие для сообщений о преступности – 33%; средняя цифра для трех остальных регионов – 7%.²⁷

²⁷ Респонденты мужского пола упоминали языковые барьеры в два раза чаще, чем респонденты женского пола.

3

Мнения о вероятности увеличения напряженности и возобновления насилия

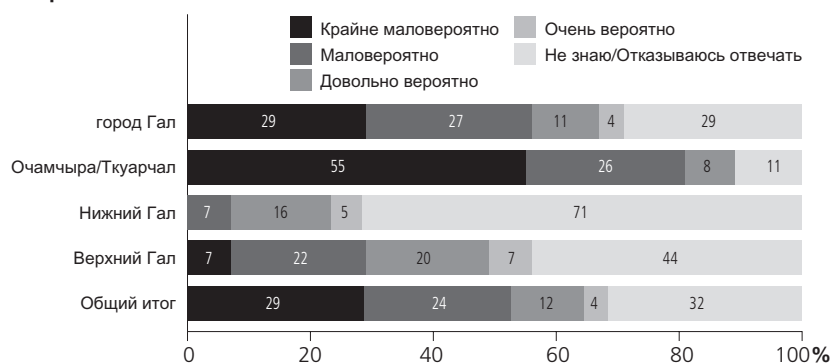
В этой главе рассматриваются мнения о вероятности напряженности и потенциальных источниках, которые могут вызвать эту напряженность. Полученные результаты могут быть полезными для местных и международных в разработке подходов для предотвращения напряженности.

Каков потенциал возобновления конфликта?

Вспышку насильственного конфликта считают маловероятной

16% респондентов, опрошенных в январе 2013 г., считали рост напряженности в их деревне/сообществе в течение ближайших 6-ти месяцев довольно вероятным или очень вероятным (в прошлом году так считали 10%, в позапрошлом 20%). Важно отметить, однако, что 53% не ожидали эскалации напряженности (в прошлом году так считали 40%). Еще одним небольшим положительным сдвигом можно считать то, что респонденты выглядят менее неуверенными. В прошлом году более половины респондентов затруднились с ответом на этот вопрос, что указывало на высокий уровень неуверенности в будущем и чувство нестабильности. В этом году только 32% респондентов затруднилось дать ответ.

Рис. 10. Какова вероятность того, что ситуация в Вашем сообществе станет более напряженной?

Если, однако, посмотреть по территориальным группам, то можно увидеть явную разницу между Очамчыро-тқуарчалской группой, где респонденты более уверены в будущем, и Нижним и Верхним Галом, показывающими высокий уровень неуверенности (см. рис. 10). Так, 81% респондентов в Очамчыро-тқуарчалской группе – почти в три раза больше, чем в Верхнем Гале (29%), и в 11 раз больше, чем в Нижнем Гале (7%) – не ожидают эскалации. По сравнению с Очамчыро-тқуарчалской группой, в Нижнем и Верхнем Гале ее ожидало примерно втрое больше респондентов (соответственно, 22% и 27%). Точно так же, в сравнении с Очамчыро-тқуарчалской группой количество респондентов, не готовых дать более уверенный прогноз на ближайшее будущее, в городе Гал было примерно в три раза выше, в Верхнем Гале – в четыре раза выше, а в Нижнем Гале – в семь раз выше, что свидетельствует о высоком уровне неуверенности в будущем и страхе перед будущим среди этнически грузинского населения (см. Рис. 10).

Какие события могли бы привести к росту напряженности?

В качестве наиболее вероятных факторов роста напряженности респонденты называют политические и военные факторы

В ответ на просьбу назвать факторы-детонаторы, несущие с собой наибольший риск эскалации напряжения и/или возобновления конфликта, респонденты – как и в прошлогоднем опросе – называли гораздо больше политических и военных факторов, чем социально-экономических. Четыре наиболее важных потенциальных фактора располагались примерно в той же последовательности.

Как и в прошлом году два первых места среди детонаторов роста напряженности, заняли эскалация напряженности между Тбилиси и Москвой и между Тбилиси и Сухумом. Эти факторы были названы, в отличие от прошлого года, соответственно, 25% (в прошлом году 40%) и 18% респондентов (в прошлом году 26%). Процент воздержавшихся от ответа был, тем не менее, высок: 63% респондентов – в два раза больше, чем в прошлом году – не смогли или отказались ответить на вопрос. Это отрицательно отражается на точности сравнения с прошлогодними результатами и затрудняет анализ ответов. Особенно трудным в этом отношении был Нижний Гал, где респонденты поголовно говорили, что не знают или не хотят отвечать на эти вопросы.

Поскольку двумя наиболее часто называвшимися факторами были отношения Тбилиси с Москвой и Сухумом, предполагается, что этот возросший уровень неопределенности может быть связан с недавними политическими переменами в Тбилиси – люди до сих пор не знают, каким будет курс нового правительства в отношении конфликтов.

У респондентов также спрашивали, какова вероятность того, что конкретные события-детонаторы роста напряженности произойдут в этом году. Результаты показывают, что только малое число респондентов считало, что в этом году эскалация напряженности между Тбилиси и Москвой или между Тбилиси и Сухумом вероятна или очень вероятна (в обоих случаях по 4%). 30%, однако, сказали, что такая вероятность всё-таки существует, другие 30% сказали, что это маловероятно, и около 36% затруднились с ответом или отказались ответить.

Третьим наиболее часто называвшимся потенциальным детонатором повышения напряженности или возобновления конфликта был приток оружия в восточную Абхазию (13%). Тревожность по поводу этого потенциального детонатора равномерно распределена между тремя из исследуемых регионов.²⁸ Высокий процент воздержавшихся от ясного ответа, особенно в Нижнем и Верхнем Гале, не позволяет дать точный анализ по территориальным

²⁸ Как сказано выше, результаты для Нижнего Гала полностью отсутствуют из-за отказа всех респондентов отвечать на большинство вопросов о потенциальных факторах и восприятия их вероятности.

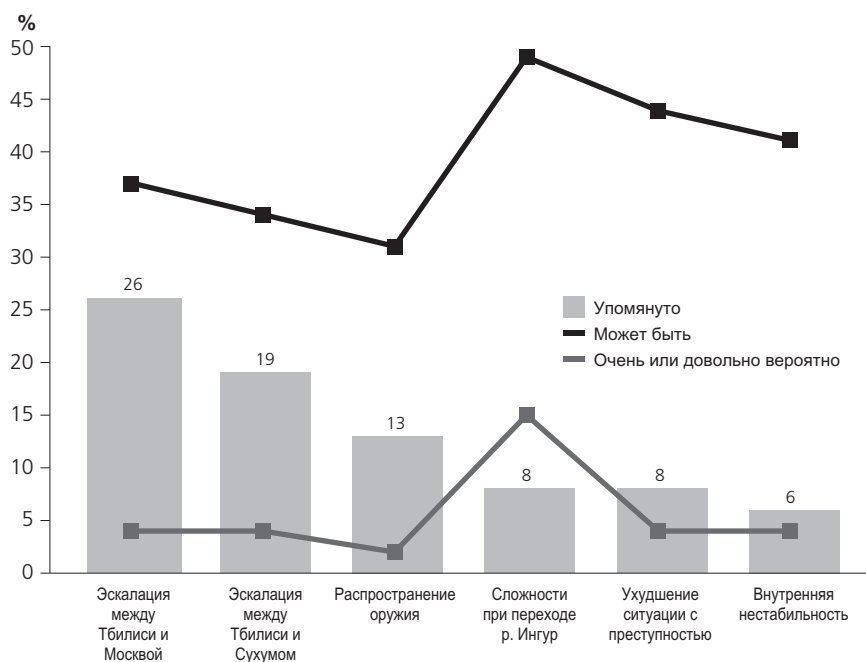
группам, но примечательно, что 62% респондентов в Очамчыро-ткуарчалской группе считали маловероятным приток оружия и ухудшение ситуации с преступностью, которые могли бы привести к эскалации ситуации в местных общинах в течение этого года. Это свидетельствует о более высоком уровне уверенности в будущем в этом конкретном исследуемом регионе.

8% от общего числа респондентов назвали одним из потенциальных факторов ухудшение криминогенной ситуации. Такое опасение было зарегистрировано, в основном, в Верхнем Гале, где его отметили 18% респондентов, в то время как респонденты Нижнего Гали – более других видящие в преступности угрозу для своей личной безопасности – воздержались от ответа и на этот вопрос. Однако более 7% респондентов в Нижнем Гале сказали, что есть вероятность, что криминогенная ситуация может привести к ухудшению ситуации в их сообществах (в отличие от трех других групп, где подобный ответ набрал в среднем 2% голосов).

Трудности с переходом через Ингур называют самым вероятным фактором, который может способствовать повышению напряженности.

8% респондентов назвали потенциальным детонатором роста напряженности трудности при переходе через р. Ингур. Этот фактор тесно связан с развитием политических событий между Тбилиси и Москвой и Сухумом – повышение напряженности неизменно приводит к прекращению движения через границу. Важно то, что этот фактор-детонатор роста напряженности был назван наиболее вероятным из тех, что могут иметь место в течение года: 15% респондентов сказали – «вероятно» или «очень вероятно», а 34% – «возможно» он будет иметь место в течение года (см. рис. 11). Респонденты в Верхнем Гале, ранее упоминавшие трудности с переходом Ингура как одну из главных проблем сообщества, были более склонны полагать, что это явление произойдет в этом году, чем их соседи в других регионах (35% в Верхнем Гале, 18% в Нижнем Гале, 16% в г. Гал и только 1% в Очамчыро-ткуарчалской группе).

Рис. 11. Какие события, Вы считаете, могут привести к росту напряженности / возобновлению конфликта? Какова вероятность для каждого из этих событий, что оно случится в течение года?²⁹

²⁹ Показаны только факторы, упомянутые более чем 5% респондентов. Верхняя линия показывает суммарный уровень вероятности/возможности каждого фактора-детонатора роста напряженности.

Из этих цифр возникает картина общества, глубоко озабоченного неподконтрольными ему факторами. Угрозу возобновления конфликта, как правило, видят исходящей извне, а не из самих сообществ. Это может означать картину сообществ, пребывающих в мире друг с другом (более подробно этот вопрос рассматривается в следующей главе), но это свидетельствует также о том, насколько невовлеченными чувствуют себя люди в восточной Абхазии, и в какой степени они не влияют на события. В их представлении их будущее зависит не от их собственных действий, а от внешних факторов и сил. Любые перемены во внешнем мире порождают растерянность – в результате население чувствует себя уязвимым и неуверенным в будущем.

4

Контакты и доверие между этническими группами

В этой главе рассматривается характер отношений между представителями различных этнических групп. Тесные контакты между этническими абхазами и грузинами, проживающими в восточной Абхазии, всегда были очень распространенным явлением, включая большое число браков и близких дружеских отношений. Несмотря на то, что взаимоотношения такого рода затруднились в связи с конфликтной ситуацией, возникшей в начале 90-х годов, исследования показывают, что межэтнические контакты довольно распространены. Уменьшение напряженности и предотвращение насилия на местном уровне зависит от способности и желания местного населения взаимодействовать друг с другом и поэтому, в этой главе также рассматриваются как можно способствовать дальнейшему укреплению межэтнических контактов.

Как изменились уровень и характер контактов с другими этническими группами?

Общины сообщают о возросшем уровне и улучшении личных контактов в регионе, но Нижний Гал остается этнически изолированным

В продолжение положительной тенденции, зафиксированной в прошлогоднем опросе, респонденты сообщают об участившихся и улучшившихся межэтнических личных контактах в регионе. На вопрос о характере отношений в их семьях с другими этническими группами, проживающими в Абхазии, 57% респондентов охарактеризовали отношения как дружеские, что значительно выше прошлогодних и позапрошлогодних результатов (соответственно, 37% и 28%). Последующие фокус группы подтверждают эти результаты, так как многие участники отмечали улучшение в отношениях и выразили сильное желание и дальше улучшать межэтнические отношения в регионе: «Почему у нас, обычных людей должны быть плохие отношения? Все, что произошло, было следствием неправильной политики, но местное население ко всему этому не имеет отношения. Мы должны сохранять и восстанавливать наши отношения».³⁰ В то время, как 71% опрошенных в городе Гал и 75% в Очамчироткуарчалской группе сообщили о дружеских отношениях с представителями другой этнической группы, в Верхнем Гале таких ответов было в два раза меньше (33%), а в Нижнем Гале только 2% респондентов упомянули о таких отношениях. Это, может быть, объясняется тем, что не так просто найти друзей из других этнических групп в такой изолированной и этнически однородной

среде, как Нижний Гал, расположенной дальше от тех мест, где проживают абхазские сообщества.

Количество респондентов, упоминавших семейные узы, оставалось стабильным – 28%. О семейных узах сообщалось главным образом в Верхнем Гале (49%) и в Очамчыро-ткуарчалской группе (34%), а самый низкий уровень семейных связей был зафиксирован среди респондентов из Нижнего Гала (всего 7%, что согласуется с вышеизложенным).

О деловых связях упомянули около 8% респондентов. Интересно, что о таких контактах сообщили 18% респондентов в Нижнем Гале и 16% в Верхнем Гале – в отличие от города Гал и Очамчыро-ткуарчалской группы, где о них сообщили, соответственно, только 7% и 2%. Эта разница связана с тем, что жители Нижнего и Верхнего Гала чаще сотрудничают с этническими абхазами, продавая свою сельскохозяйственную продукцию в других местах Абхазии.

Около 20% респондентов сообщают, что не имеют никаких отношений с представителями других этнических групп. И снова самый высокий уровень в Нижнем Гале, где таких респондентов больше половины – полная противоположность Очамчыро-ткуарчалской группе (всего 4%) (см. рис. 12). Если разбить эту выборку по этническим группам, можно заметить большую разницу: об отсутствии отношений с другими этническими группами сообщают 34% этнических грузин и только 3% этнических абхазов. Это не так уж и неожиданно, если учесть, что на территориях, охваченных опросом, этнические абхазы составляют меньшинство и даже в Очамчыро-ткуарчалской группе где они составляют большинство, они живут в смешанных сообществах или в тесном соседстве с этническими грузинами. С другой стороны, этническому грузину, особенно в Нижнем Гале, не так легко завести дружбу с этническим абхазом, в силу того обстоятельства, что абхазы не проживают в этой местности.

Низкий уровень общения неизбежно приводит к повышенному уровню недоверия, и, как и можно было ожидать, респонденты из Нижнего Гала чаще других характеризуют свои отношения с представителями других этнических групп этим словом. Недоверие отметили только 7%, но если сравнить эту цифру со средней цифрой для региона (всего 2%), это довольно высокий процент. Следует заметить, что 9% респондентов в Нижнем Гале – больше чем в любом другом исследуемом регионе – отказались или не смогли назвать свое отношение к другим этническим группам, что также может указывать на высокий уровень этнического недоверия в этой группе.

Как и в предыдущем опросе, ни один респондент не засвидетельствовал открытой враждебности к другим этническим группам.

Ответы на просьбу оценить изменения, происшедшие за последние полгода в их отношениях с другими этническими группами, проживающими в Абхазии, также свидетельствуют об улучшении межэтнических отношений. Подавляющее большинство (70%), как и в предыдущем опросе, сказали, что отношения остались прежними, более четверти опрошенных (26%) засвидетельствовали улучшение отношений и менее 1% сказали, что в их случае отношения ухудшились. Интересно, что нижнегальские респонденты более позитивно отвечали на этот вопрос: 36% из них сказали, что их отношения с другими этническими группами улучшились.

Какие меры по созданию доверия и укреплению безопасности в сообществах пользуются поддержкой?

Возросло желание проводить меры по предупреждению конфликтов и укреплению безопасности, но сомнения в их эффективности по-прежнему остаются

Как и в двух предыдущих опросах, респондентов просили оценить ряд предлагаемых мер по укреплению безопасности на локальном уровне и указать, считают ли они, что эти меры приведут к укреплению или установлению доверия между этническими группами в восточной Абхазии.

Респонденты, опрошенные в этом году, были настроены более позитивно, чем прошлогодние: более 80% опрошенных одобрили большинство предлагаемых мер (в прошлом году эта цифра была около 70%). Однако, как и в прошлом году, респонденты мало верили в эффективность этих мер для создания доверия между этническими группами в восточной Абхазии (см. рис. 12).

Рис. 12. Восприятие эффективности мер по налаживанию доверия

Каким мерам вы окажете поддержку для укрепления безопасности в своем сообществе?/ Какие меры наиболее действенны для налаживания доверия с представителями других этнических групп?

Налицо большой разброс мнений по группам относительно эффективности мер по укреплению доверия

Примечательно, что одно из конкретных предложений по укреплению безопасности – сотрудничество милиции с местными общинами в борьбе с преступностью – получило сравнительно невысокую поддержку этнических грузин в Нижнем Гале (29%) и чуть большую, но тем не менее, ниже средней в Верхнем Гале (58%), в противоположность группе города Гал (89%) и Очамчыро-ткуарчалской группе (98%). Это свидетельствует о более высоком уровне недоверия к абхазской милиции у жителей Нижнего и Верхнего Гала, что согласуется с данными, приведенными в предыдущей главе. Однако важно отметить, что 15% респондентов в Нижнем Гале, в отличие от трех других регионов (средняя цифра для этих трех регионов – 4%), считали, что более тесное сотрудничество абхазской милиции с местными сообществами в борьбе с преступностью было бы эффективной мерой по укреплению безопасности и межэтнического доверия в их сообществах. Это обстоятельство, обнаружившееся при опросе, перекликается с фактом, отмеченным в главе 1 – большей озабоченностью преступностью в Нижнем Гале и также может считаться важным призывом к действию, обращенным к абхазской милиции.

Во взглядах жителей этих четырех регионов на эффективность некоторых мер есть и другие существенные различия.

36% респондентов в Нижнем Гале назвали эффективной мерой предоставление социальных услуг, в отличие от остальных трех регионов, где средняя цифра была всего лишь 8%. 36% респондентов в Нижнем Гале назвали эффективной мерой по укреплению безопасности и улучшению доверия между этническими группами обеспечение безопасности сельскохозяйственных работ, что в два раза больше, чем в Верхнем Гале, почти в три раза больше, чем в Очамчыро-ткуарчалской группе, и в 6 раз больше, чем в городе Гал и окрестностях. Более высокая значимость, которую нижнегальские сообщества придают этому фактору, может объясняться тем, что, живя ближе к территориям с пограничным режимом по р. Ингур, они сталкиваются с большими ограничениями и помехами свободному передвижению и сельскохозяйственным работам.³¹

Кроме того, в Нижнем и Верхнем Гале респонденты отдают больший приоритет поддержанию торговли на рынках других сообществ – соответственно, 26% и 16%, в противоположность группе города Гал (только 1%) и Очамчыро-ткуарчалской группе (меньше 4%). Схожие результаты наблюдаются по вопросу о создании совместного бизнеса: и в Нижнем, и в Верхнем Гале 22% респондентов включили эту меру в число приоритетов как эффективную, а в группе города Гал только 11%, в Очамчыро-ткуарчалской группе – только 3%. Эти данные совпадают с ранее полученными данными, показывающими, что наиболее распространенная форма сотрудничества ниже- и верхнегальских респондентов с их абхазскими соотечественниками – это бизнес/торговля.

Жители г. Гала и окрестностей и Очамчыро-ткуарчалской группы придавали гораздо большую значимость (соответственно, 54% and 58%) обмену идеями о предупреждении войн и насилия, чем их соседи в Нижнем Гале (0%) и Верхнем Гале (18%). Это наводит на мысль, что население первых двух регионов более готово к откровенному диалогу между общинами, тогда как более аграрные и изолированные сообщества Нижнего и Верхнего Гала еще не чувствуют достаточной уверенности в том, что готовы к таким дискуссиям со своими абхазскими соседями.

Остальные меры набрали примерно равное количество голосов во всех исследуемых регионах. В среднем, наибольшее количество голосов с точки зрения предполагаемой эффективности получили меры по защите прав человека. В группе города Гал и Очамчыро-ткуарчалской группе респонденты были чуть более склонны включать их в число приоритетов, чем в двух других регионах.

В общем, анализ восприятия эффективности различных мер по укреплению безопасности и доверия показывает, что респонденты в Очамчыро-ткуарчалской группе и, в меньшей степени, в городе Гал отдают предпочтение мерам/видам деятельности с большим уклоном в политический/или гражданский диалог (напр., обмен идеями о предупреждении войны и насилия, встречи с бывшими соседями, защита прав человека), а в Нижнем и Верхнем Гале – совместным бизнес-инициативам, предоставлению основных социальных услуг и услуг в сфере безопасности.³²

31 Абхазские и российские пограничники требуют, чтобы все лица, находящиеся в этой зоне, всегда имели при себе документы, удостоверяющие личность. Местные сообщества часто жаловались на внезапное перекрытие дорог и на случающиеся время от времени случаи задержания и взятия под арест местных крестьян.

32 Единственное исключение из этого правила – это организация совместных культурных мероприятий, о которой упомянули в среднем 32% респондентов в Нижнем и Верхнем Гале вместе взятых, в отличие от группы города Гал и Очамчыро-ткуарчалской группы (в среднем 12%).

Заключение

Полученные результаты показывают дальнейшее улучшение восприятия местными жителями их безопасности и защищенности, позволяющее предположить, что положительные изменения в регионе – не временное явление, а тенденция. Респонденты, как правило, сообщают об уменьшении количества инцидентов, связанных с угрозой безопасности, об уменьшении угрозы возобновления насилия, об улучшении инфраструктуры и о возросших контактах между этническими группами. Из списка основных проблем сообществ почти полностью выпали преступность, вымогательство, наличие вооруженных групп и похищения людей.

Однако по территории Восточной Абхазии эти положительные результаты распределены неравномерно – наблюдаются существенные территориальные различия. Очамчыро-ткуарчалская группа и, в меньшей степени, группа города Гал показали, что ситуация в целом улучшилась, тогда как респонденты более изолированных сельских групп – нижнегальской и верхнегальской – по-прежнему чувствуют большую изолированность и незащищенность. Различия в местных проблемах, связанных с безопасностью, и в динамике изменений требуют индивидуального подхода к каждой местности, с учетом местных особенностей и потребностей. Поэтому в заключение мы даем суммарное описание динамики на каждой из четырех целевых территорий.

Группа города Гал

По сравнению с прошлым годом подавляющее большинство респондентов в городе Гал и окрестных деревнях сообщают либо об улучшении (45%), либо об отсутствии существенных изменений в общей ситуации в их сообществе. По сравнению с тремя остальными исследуемыми регионами, эта группа дала самый высокий процент респондентов, отметивших улучшение общего положения сообщества. Этот регион был свидетелем существенного развития инфраструктуры: асфальтировка шоссе Ингур-Сухум и улиц города Гал, в результате чего плохим дорогам, ранее бывшим одной из основных проблем этой общины, в этой группе уделили меньше всего внимания по сравнению с остальными тремя группами.

Во многих отношениях мнения в городе Гал были схожи с усредненными средними значениями по всей восточной Абхазии. Эта средняя позиция жителей Гала показывает, что они выиграли от недавних улучшений в регионе, но по-прежнему испытывают трудности, которые более заметны на более изолированных сельских территориях Нижнего и Верхнего Гала, в частности, связанные с получением абхазских паспортов, возможностью переправляться

через р. Ингур и не высоким уровнем доверия к местным структурам, ответственным за безопасность.

Респонденты группы города Гал сообщают о более высоких уровнях межэтнических контактов и охотно поддерживают все меры, направленные на улучшение местной безопасности и создание атмосферы межэтнического доверия. Наиболее эффективными из таких мер они считают меры по защите прав человека и меры, направленные на участие в диалоге на уровне общин о способах предотвращения войны и насилия, что свидетельствует о том, что местные жители чувствуют себя достаточно уверенными, чтобы вступить в такие дискуссии со своими абхазскими собратьями.

Очамчыро- ткуарчальская группа

Жители Очамчыро-ткуарчальской группы, где большинство населения составляют этнические абхазы, имеют сравнительно самый высокий уровень ощущения безопасности и защищенности и самый низкий уровень беспокойства о будущем из всех четырех исследуемых групп. 46% респондентов – больше чем в два раза выше общего среднего – отметили, что по сравнению с прошлым годом их личная безопасность возросла. 91% – больше чем в два раза выше общего среднего для остальных трех групп – сказали, что в своих сообществах чувствуют себя безопасно или очень безопасно. Респонденты этой группы были в два раза более уверены в росте своих доходов (38% по сравнению с 16% в трех других группах).

Поэтому неудивительно, что респонденты этой группы делают больше упора на острые социально-экономические проблемы и проблемы связанные с инфраструктурой. Самый высокий рейтинг из всех проблем сообщества в этой группе получили безработица, плохие дороги, перебои с электричеством и отсутствие надежного водоснабжения. Жители Очамчыра и Ткуарчала считают, что львиную долю инвестиций и помощи получает город Гал, а на их проблемы никто не обращает внимания.

Респонденты этой группы чувствуют себя более уверенно, когда им приходится сообщать властям об инцидентах. Однако, как и в других группах, среди них распространено недоверие к структурам, ответственным за безопасность – многие из них не верят, что эти структуры обладают возможностями и профессионализмом, необходимыми для того, чтобы справиться с их проблемами.

Респонденты сообщают о высоком уровне дружеских и семейных связей с другими этническими группами. Как и в группе города Гал, они отдают предпочтение мерам, направленным на защиту прав человека и участие в диалоге на уровне сообществ о путях предотвращения войны и насилия, считая их наиболее эффективными мерами по укреплению местной безопасности и созданию атмосферы доверия между разными этническими группами.

Нижний Гал

По сравнению с двумя вышеназванными группами, респонденты Нижнего Гала меньше сообщают об общем улучшении ситуации, а треть опрошенных даже сообщает об ухудшении положения их сообщества по сравнению с предыдущим годом. Эти отрицательные мнения исходят из трудностей, связанных с переходом через р. Ингур и получением абхазских паспортов, плохими дорогами и ограничениями на свободу передвижения в деревнях из-за неожиданного перекрытия дорог и из-за задержаний, которым подвергаются люди, не имеющие при себе документов, удостоверяющих личность, и других действий, вызывающих опасения.

Для Нижнего Га́ла важны некоторые из проблем, связанных с безопасностью, которые по-видимому не считаются особенно важными для респондентов других обследуемых районов. Так, треть респондентов в этой группе в качестве острой проблемы их сообщества и причины своей личной незащищенности назвали преступность – в остальных трех группах этот фактор не назвал ни один респондент. Точно так же, похищения людей не заслуживают упоминания ни в одном регионе, кроме Нижнего Га́ла, где 15% респондентов назвали этот вид преступлений одной из причин своей личной незащищенности.

По сравнению с другими тремя группами, жители Нижнего Га́ла сообщают о крайне низком уровне взаимодействия с другими этническими группами. Но в то же время, более трети респондентов в Нижнем Га́ле сообщают об улучшении отношений с другими этническими группами. Они также сообщают о более высоком, чем в среднем, уровне деловых/торговых контактов с другими этническими группами и считают, что поддержка таких контактов наряду с предоставлением основного социального обслуживания и обслуживания в сфере безопасности могла бы стать эффективной мерой для создания атмосферы доверия между разными общинами.

Верхний Га́л

Как и в Нижнем Га́ле, мнения общин Верхнего Га́ла вызывают тревогу и требуют срочного внимания. Это единственный регион, где более половины респондентов (53%) сообщили об ухудшении положения сообщества по сравнению с прошлым годом. Основными причинами такого мнения респонденты называли трудности с переходом через Ингур и тесно связанные с ними проблемы – ухудшение связей с родственниками и друзьями по ту сторону реки и трудности с получением абхазских паспортов.

Как и в Нижнем Га́ле, более половины респондентов сообщали об отсутствии контактов с центральными сухумскими властями и считанные единицы считали, что абхазские власти и милиция эффективно обеспечивают безопасность их общин. Интересно, что верхнегальские респонденты называли наиболее эффективными гарантами безопасности российских пограничников (26%, в противоположность в среднем всего 1% в трех других взятых вместе группах), что наводит на мысль, что отношения между местными жителями и российскими пограничниками до какой-то степени нормализуются.

Респонденты Верхнего Га́ла сообщили о самом низком уровне доверия в том, что касается сообщения о преступлениях властям, ответственным за борьбу с преступностью. Основными причинами, препятствующими сообщению о преступлениях или инцидентах, связанных с насилием, назывались недоверие к властям и милиции, боязнь мести и этнические барьеры.

В Верхнем Га́ле 27% респондентов – больше, чем в других группах – ожидают эскалации напряженности, тем самым показывая более высокие уровни незащищенности и неуверенности в будущем. Треть респондентов считает, что наиболее вероятной причиной эскалации могут быть трудности с переходом через р. Ингур.

Респонденты отмечают повысившийся уровень взаимодействия с другими этническими группами; почти половина респондентов сообщила, что связана с другими этническими группами семейными узами. Как и в Нижнем Га́ле, они сообщают о том, что уровень их взаимодействия с другими этническими группами выше среднего. Что касается наиболее эффективных мер по обеспечению безопасности и созданию доверия как внутри Абхазии, так и по обе стороны р. Ингур, респонденты Нижнего Га́ла называют организацию совместных культурных мероприятий, меры по защите прав человека, организацию совместного бизнеса и совместной торговли.

Приложение 1: Методология

Этот доклад основан на данных, собранных в результате опроса респондентов, проведенного в период с января по март 2013 года. Опрос был «поквартирным»/«подомовым»; кроме того, в докладе учтены результаты обсуждений в фокус-группах.

Разработка методологии исследования была осуществлена в апреле 2010 года на основе проведения стартовых обсуждений в фокус-группах, направленных на углубленное изучение того, каким образом общины (местные сообщества) интерпретируют термины «община»/«сообщество», «безопасность» и «конфликт», для разработки путей вовлечения их представителей в процесс выявления приоритетов безопасности и выработки соответствующих мер, а также для более активного вовлечения представителей власти в этот процесс.

Вслед за этим первым этапом исследования был проведен первый опрос общественного мнения в сентябре-декабре 2010 года. На основе этого опроса ко времени проведения второго опроса коллектив исследователей доработал вопросник с учетом местных особенностей; однако основное содержание опроса не изменилось, что позволило провести детальное сравнение результатов обоих опросов и отследить изменение ситуации в течение года, прошедшего между их проведением.

Опрос семей был проведен в январе 2013 года. В нем приняли участие 400 человек из четырех целевых групп городов/сел (группа города Гал – 7 сел, 150 человек; группа городов Очамчыра и Ткуарчал – 6 сел, 110 человек; группа Верхнего Галя – 3 села, 50 человек, и группа Нижнего Галя – 5 сел, 90 человек).

Респонденты были разбиты на группы по двум уровням. Каждое село относилось к группе первого уровня, а каждая семья в каждом селе относилась к группе второго уровня. В каждой целевой группе были выбраны респонденты пропорционально размеру села. Семьи в каждом селе были выбраны на основе систематического отбора каждой четвертой семьи, начиная с центра села. Респонденты в каждой семье были отобраны на основе самого последнего метода отбора – по самой ранней в году дате рождения. 44% респондентов были мужчины и 56% – женщины. Все были старше 18 лет.

После первоначального анализа результатов опроса в марте 2013 года были проведены серии дискуссий в фокус-группах для дальнейшего углубленного изучения ключевых вопросов, в том числе: (1) оценка реагирования властей на местные нужды; (2) отношение к другим этническим группам; (3) влияние процесса перехода реки Ингур на повседневную жизнь в восточной Абхазии.

По одному селу было выбрано в каждой из четырех групп исследования для проведения фокус-групп за исключением Очамчыро-ткуарчальской группы, где было выбрано два села – по одному из Очамчырского и Ткуарчальского районов. В фокус-группах участвовали 16 женщин, и 24 мужчин, и в каждой фокус-группе было приблизительно равное количество респондентов в возрасте 18–35 и 36–64 лет.

В целях обеспечения достаточного уровня анонимности участников, Институт Демократии и Saferworld приняли решение о неразглашении названий сел, где проводились фокус-группы. Принимая во внимание маленькие размеры местных сообществ, личные данные респондентов, включенные в доклад, были бы достаточны для идентификации участников. Во время обсуждения в фокус-группах, ведущий задавал вопросы в соответствии с инструкциями, а также использовал подсказки для стимулирования дебатов и для возвращения дискуссии в нужное русло.

Дополнительная информация по методологии и полный комплект данных (за исключением данных о местах проведения фокус-групп и их участниках) могут быть предоставлены по запросу.

Институт Демократии является некоммерческой и неправительственной организацией занимающейся вопросами продвижения и защиты прав человека. Целями работы организации являются: содействие формированию современного гражданского общества, изучение и распространение информации о глобальном опыте развития демократии и политического плюрализма. Организация способствует продвижению прав человека, собирает и распространяет информацию о правах человека.

Целью деятельности Saferworld является предотвращение насилия и конфликтов, а также содействие сотрудничеству в области решения вопросов безопасности. Мы сотрудничаем с правительствами, международными организациями и гражданским обществом для поощрения и поддержки эффективной политики и практики посредством защиты прав человека, расследований и политических исследований, а также поддержки деятельности других организаций.

фото обложки: Школьница и представитель Дорожно Патрульной Службы общаются с местным водителем в центре г.Гал в рамках гражданской инициативы направленной на повышение осведомленности о дорожной безопасности. © ИНСТИТУТ ДЕМОКРАТИИ

Институт демократии
Улица Апсны, 67
Гал
Телефон: +7940 7 79 08 04
Email: democracy-institute@yandex.ru

SAFERWORLD

Saferworld
The Grayston Centre
28 Charles Square
London N1 6HT, UK
Телефон: +44 (0)20 7324 4646
Факс: +44 (0)20 7324 4647
Email: general@saferworld.org.uk
Web: www.saferworld.org.uk

Registered charity no. 1043843
A company limited by guarantee no. 3015948
ISBN 978-1-909390-02-7